

«Вань цзюань шу» записывали три эпизода в день, и выступления Тан Сю в трёх отрывках были на высоте. Несколько режиссёров уже посмотрели их и сказали, что всё в порядке. Он немного задержался на телевидении, дождавшись, пока Ван Цзянь закончит работу, и спросил:

— Ван дао, куда мы идём?

Ван Цзянь ответил:

— За телевидением есть ресторан, довольно тихий. Пойдём туда.

Тан Сю кивнул:

— Хорошо.

Ван Цзянь снова спросил:

— У тебя есть какие-то особые предпочтения в еде?

Тан Сю на мгновение задумался:

— Нет.

— Просто скромный ужин, не нужно слишком напрягаться. — В глазах Ван Цзяня мелькнула лёгкая насмешка. — Разве бывает, чтобы у человека не было предпочтений в еде?

Тан Сю не рассердился и не заволновался, просто спокойно сказал:

— У меня действительно нет предпочтений. Злаки, овощи, фрукты, мясо — я всё ем. А вот вы, судя по вашему лицу, кажется, страдаете от избытка влаги в организме. Вам стоит меньше есть жирного и острого.

Ван Цзянь был родом из Хунани, мог и любил есть острое. В последнее время на телевидении было много застолий, и он ел много жирного и мясного, что привело к несварению. Услышав слова Тан Сю, он на мгновение застыл.

Через некоторое время Ван Цзянь снова засмеялся:

— Ты действительно интересный актёр, не зря у тебя такая популярность среди зрителей всех возрастов.

Тан Сю промолчал, отстав на шаг позади Ван Цзяня.

Этот режиссёр был мужчиной средних лет, и, судя по всему, его взгляды были довольно традиционными. Он ценил карьеру и семью. Программы, которые он вёл на Центральном телевидении, никогда не отличались излишней развлекательностью или эксцентричностью. Во время перерыва Тан Сю попросил Ли Цзыпина помочь ему найти информацию о Ван Цзяне. У того был девятнадцатилетний сын, который, судя по возрасту, должен был быть на втором или третьем курсе университета. Жена не была из их круга, но, судя по фотографиям семейных путешествий, которые он выкладывал раз в полгода, семья у них была дружная.

Такому человеку не было причин испытывать к нему враждебность.

Ван Цзянь всегда относился к нему с кажущейся похвалой, но на самом деле с лёгким пренебрежением, хотя причины этого были неясны. Однако он, кажется, несколько раз

повторил одну и ту же фразу.

— У тебя популярность среди зрителей всех возрастов.

Если бы это был артист, Тан Сю мог бы подумать, что это зависть, но это же режиссёр, да ещё и режиссёр официальной программы Центрального телевидения. Кроме сотрудничества в этом проекте, они не должны были иметь никаких точек соприкосновения.

Пока он размышлял, Ван Цзянь внезапно остановился.

— Что случилось, Ван дао?

Тан Сю посмотрел в ту же сторону и увидел, что напротив ресторан был закрыт, на двери висела табличка «На ремонте».

Ван Цзянь вздохнул:

— Не повезло, ужин не получится. Это единственное приличное место поблизости, а я не могу уезжать далеко, мне ещё нужно вернуться на телевидение и работать сверхурочно.

Тан Сю, конечно, понял, что этот человек изначально не собирался садиться с ним за стол и обстоятельно беседовать, поэтому сказал:

— Ничего страшного, если у вас нет срочных дел, мы поговорим в другой раз. Программу ещё долго будем записывать.

Ван Цзянь спокойно посмотрел на него:

— Тогда спасибо тебе, извини, что зря потревожил.

Но в его глазах не было и намёка на извинение.

Тан Сю лишь улыбнулся:

— Мелочи.

...

— Что за чушь? — Цзян Цяо нахмурился. — Ван Цзянь... Я знаю этого человека, хотя и не общался с ним, но в Центральном телевидении у него хорошая репутация.

Тан Сю кивнул:

— Я чувствую, что он хороший человек, люди на Центральном телевидении относятся к нему с уважением. Похоже, он просто предвзято относится ко мне, но... Мы ведь встречаемся впервые. — Старый Предок, подперев локтём голову, задумался. — В этой жизни я, кажется, не сталкивался с этим человеком. За полгода в индустрии у нас не было пересечений, а раньше и подавно.

Цзян Цяо покачал головой:

— Не стоит так много думать. Даже если вы встречались раньше, ты всегда занимался тем, что наказывал зло и поощрял добро. Если он хороший человек, ты не мог его обидеть.

Внезапно раздался звонок дверного звонка в комнате, и бамбуковая дверь японского идзакая с лёгким скрипом открылась. Мужчина лет тридцати вошёл с подносом в руках. На подносе лежали свежие сашими, и горячий воздух, ударяясь о лёд, поднимался лёгким паром. Мужчина улыбнулся:

— Попробуйте моё мастерство.

Цзян Цяо сказал:

— Это мой старший товарищ по университету, а также хороший друг, его зовут Хэ Юймин.

Тан Сю удивился:

— Старший товарищ по университету?

Хэ Юймин засмеялся:

— Да, четыре года учился на режиссёра, а потом вдруг решил открыть японский паб. Когда мы учились, все в нашей группе любили хот-пот, а этот парень всё время лез в японские рестораны. Мы с ним сошлись на этой почве.

Тан Сю действительно заметил, что Цзян Цяо любит сырую рыбу, но не ожидал, что до такой степени. Он слегка приподнял бровь, глядя на Цзян Цяо, а тот улыбнулся:

— У него есть своя философия, вот он и открыл идзакая. А я просто хочу зарабатывать деньги, поэтому стал режиссёром.

Хэ Юймин громко рассмеялся, обняв Цзян Цяо за плечи и кивнув Тан Сю:

— Ты ведь недавно стал популярным актёром, правда? Тан Сю? Это ты?

Тан Сю на секунду задержал взгляд на руке Хэ Юймина, лежащей на плече Цзян Цяо, а затем кивнул:

— Да, это я. Привет.

Он думал, что Цзян Цяо уже представил его Хэ Юймину, но тот внезапно хлопнул Цзян Цяо по плечу и засмеялся:

— Ну ты даёшь, вечно был как сухое дерево, а тут вдруг расцвёл таким ярким цветком.

Тан Сю на мгновение озадачился, а Цзян Цяо поспешил сказать:

— Ничего страшного, старший брат Мин не из нашего круга, он не сплетничает, держит язык за зубами.

— Да, всё, что я вижу в этой комнате, я забываю, как только выхожу за дверь. — Хэ Юймин улыбнулся. — Я открыл новый филиал, и этот парень сказал, что приведёт сюда того, кто ему нравится. Я действительно не ожидал, что это будет актёр. — Он с интересом посмотрел на Тан Сю. — Тот, кто нравится... Вы уже вместе?

Цзян Цяо слегка изменился в лице. Старый Предок так и не дал ему официального согласия, хотя он несколько раз поднимал этот вопрос, но всякий раз его слова были уклончивыми. Хотя он был готов ждать, признаться перед другом, что это лишь его одностороннее чувство, было

немного неловко.

Но, к его удивлению, Тан Сю без колебаний мягко улыбнулся:

— Да, мы вместе.

Хэ Юймин ахнул, не замечая, что Цзян Цяо уже застыл, и сильно хлопнул его по спине:

— Ну, вы, молодожёны, кушайте на здоровье, если что, зовите официанта, а я пойду проверю другой филиал, ха-ха.

Пока бамбуковая дверь снова скрипнула и закрылась, Цзян Цяо всё ещё не мог прийти в себя.

Сашими были очень свежими, особенно красный тунец. Мясо было не слишком плотным, но и не рыхлым, насыщенным и упругим, намного лучше, чем в том ресторане рядом с площадкой. Тан Сю съел несколько кусочков рыбы, попробовал и другие виды, а Цзян Цяо всё ещё сидел в оцепенении.

Тан Сю поднял на него взгляд и вдруг почувствовал, что это забавно.

Как это называется в интернете? Окаменел?

Старый Предок положил палочки и помахал рукой перед лицом Цзян Цяо:

— Эй, хватит уже, давай есть.

Цзян Цяо всё ещё не реагировал. Тогда Тан Сю применил последний аргумент:

— Я просто сделал тебе одолжение, это было враньё, не считай это правдой.

В следующую секунду Цзян Цяо глубоко вздохнул и ожил.

Он облизнул губы, сказал «Ох» и взял палочки, чтобы начать есть рыбу. Тан Сю не смог сдержать смешка:

— Что с тобой?

— Не знаю. — Режиссёр пробормотал:

— Я привык, что ты отказываешь, а тут вдруг согласился, и я растерялся. Мне больше привычно, когда ты отказываешь.

Тан Сю...

— Или ты правда хочешь согласиться? — Цзян Цяо поднял на него взгляд, в глазах мелькнула тщательно скрываемая надежда, и он добавил:

— Лучше не соглашайся сейчас, я представлял себе какой-то эпический момент.

Старый Предок усмехнулся:

— Ну, я не согласился, просто... сделал тебе одолжение.

Он не сказал, что это было не только ради Цзян Цяо. Когда Хэ Юймин положил руку на плечо Цзян Цяо, ему стало как-то неприятно, резануло глаза.

Во время съёмок «Плахи для лис» он впервые почувствовал нечто подобное, когда услышал о Шэнь Сымо. Незаметно для себя он начал испытывать к Цзян Цяо чувство собственности, которое становилось всё сильнее.

— Цзян Цяо. — Старый Предок поиграл с васаби на тарелке и вдруг сказал:

— Пока я не дал тебе чёткого согласия или отказа, не используй свои уловки на других, понятно?

Цзян Цяо не смог сдержать улыбки, инстинктивно хотел потрепать Старого Предка по голове, но сдержался и только сказал:

— Конечно, нет.

<http://bllate.org/book/16171/1450067>